

Снова началось... Бай Ицин почувствовал лёгкую досаду. Почему этот человек всегда ведёт себя как заевшая пластинка?

— Я же сказал, что не сержусь. Да и что, если бы я действительно разозлился?

Гу Яньшу стоял с серьёзным выражением лица, мягкий свет подчёркивал его черты. С невозмутимым видом он произнёс:

— Если ты разозлишься, я тебя успокою.

— Что? — Бай Ицин слегка моргнул, словно не понимая смысла сказанного, хотя на самом деле он действительно не понимал. — О чём ты вообще?

— А о чём ещё? — Гу Яньшу, как обычно, вёл себя дерзко и, в отличие от Бай Ицина, произносил мягкие слова с самой жёсткой интонацией. — Бай Ицин! Я тебе говорю! Я...

Он говорил так медленно, что Бай Ицин успел разглядеть движение его губ.

— ...виноват!

Бай Ицин лишь недоумённо посмотрел. «Это что, извинение? Ты уверен, что не пришёл за деньгами?»

— Цыц! — Гу Яньшу легонько толкнул Бай Ицина в лоб. — Слышал? Я виноват.

— Ты извиняешься? — спросил Бай Ицин, не веря своим ушам.

— А как ещё? — Гу Яньшу широко раскрыл глаза, полные «искренности и невинности». — Или ты не расслышал и хочешь, чтобы я повторил?

Он кашлянул, готовый начать сначала.

— Хватит, хватит! — Бай Ицин поднял руку, словно останавливая его. — Не надо.

Он не знал, смеяться ему или плакать. Этот человек такой детский и упрямый, как он вообще умудрялся с ним ссориться? И зачем вообще злиться на этого ребёнка?

Эта мысль развеяла его раздражение.

— Нет, — настаивал Гу Яньшу. — Ты решаешь, когда мне начинать и заканчивать? С чего бы?

— Я же не просил тебя извиняться, — возразил Бай Ицин.

— Мой друг сказал, что если омега злится, его нужно успокоить. Иначе нельзя.

Бай Ицин был в замешательстве.

— Почему?

Гу Яньшу взглянул на него, затем внезапно положил руку на его голову и приблизился.

Бай Ицин замер, увидев, как лицо перед ним увеличилось в несколько раз, их носы почти соприкоснулись.

— Что случилось?

Он услышал лёгкий смешок и соблазнительный голос:

— Потому что альфа должен баловать свою жену, не давать ей плакать, понял?

После этих слов он погладил Бай Ицина по затылку.

Голос Гу Яньшу, словно стрела Амура, пронзил сердце Бай Ицина, заставив его биться быстрее.

— Ты... — щёки Бай Ицина покраснели, а место, где его коснулись, он боялся даже пошевелить.

— Я что я? — Гу Яньшу приподнял бровь и поднял подбородок омеги, слегка почесав его. — Ты что, соблазняешь меня?

— Ха? — Гу Яньшу усмехнулся. — Это считается?

— А разве нет?

— Конечно нет. — Он приложил руку к щеке Бай Ицина, чтобы охладить её. — Я просто говорил правду. И соблазнять нужно по-другому.

Его рука была тёплой, но Бай Ицин всё равно не мог удержаться от того, чтобы не прижаться к нему.

— А ты умеешь соблазнять?

— Конечно, я ведь не просто бездельник из богатой семьи. — Гу Яньшу прислонился к стене, скрестив ноги на кровати, и с лёгкой насмешкой в голосе добавил:

— Я ведь не просто так трачу время.

Бай Ицин не знал, что сказать. «Получается, ты гордишься тем, что живёшь за чужой счёт?»

— А кто тогда сделал мои документы?

— Ты можешь найти в этой комнате третьего человека?

Ответ был очевиден. Бай Ицин покачал головой, недоумевая.

— Ты же не тот, кто просто ждёт смерти. У тебя есть способности и хорошая семья, так зачем тебе жить за счёт других, давая повод для сплетен?

Этот вопрос был острым, как нож, пронзивший самое сокровенное. Гу Яньшу замер, его эмоции вспыхнули, но он не разозлился, лишь горько улыбнулся, не говоря ни слова.

Его улыбка была горькой, глаза скрывали непонятные чувства, а уголки губ то поднимались, то опускались, словно лицо двигалось само по себе.

Такого Гу Яньшу Бай Ицин ещё не видел, и это зрелище вызвало в нём... жалость. Этот человек был полон противоречий: снаружи он казался дерзким и властным, но внутри был мягким и заботливым. Во время первой встречи он был холоден и неприветлив, но потом помог ему справиться с эмоциями. Во второй раз он был мрачен и молчалив, но принёс ему лекарства и шоколад.

«Неужели он просто упрям?»

Бай Ицин окликнул его:

— Гу Яньшу.

Это был первый раз, когда он назвал его по имени, но сказал следующее:

— Если не хочешь улыбаться, не улыбайся. Это выглядит печально.

Он протянул руку и взял его за запястье.

— Прости, мне не следовало задавать этот вопрос.

Его холодные пальцы коснулись запястья, и Гу Яньшу убрал улыбку, как обычно спросив:

— Зачем ты меня трогаешь? Хочешь соблазнить?

— Это считается соблазнением? — Бай Ицин повторил его слова, поддразнивая.

Он поднёс его руку к своим губам и легонько поцеловал.

— Малыш, не грусти, печаль улетит...

Он повторил манеру Гу Яньшу, успокаивая его, и, закончив, почувствовал стыд.

— Так? — спросил он, прикрывая лицо рукой.

Стыдно было не только Бай Ицину. Гу Яньшу тоже взорвался от смущения, его лицо покраснело от досады. Он был так взбешён, что едва мог говорить, а вся грусть мгновенно исчезла.

— Ты! Как ты посмел подслушивать?!

Стыд — странная штука. Если кто-то другой выглядит более неловко, ты перестаёшь чувствовать себя неудобно. Бай Ицин усмехнулся.

— Я не подслушивал, просто слышал сквозь сон.

Он соврал, прикрывая факт, что притворялся спящим.

— Враньё! — крикнул Гу Яньшу. — Если ты спал, как ты это запомнил? Почему ты не помнишь, как обнимал меня, плакал и требовал поцелуев?

Бай Ицин... Чёрт! Это же уже прошло! Почему это снова всплыло?

Бай Ицин болел три дня, но на второй день уже сбежал на работу, что взбесило Гу Яньшу до предела.

В баре Гу Яньшу добавил лёд в стакан и пожаловался:

— Ты представляешь? Я, как муж, проявил заботу о здоровье супруга, а он взял и сбежал на работу, будто компания — его дом.

Лу Яо сжал кулак у рта, сдерживая смех.

— А зачем ты это сделал? Уж точно не для меня.

Он быстро встряхнул стакан и посмотрел на цифры.

— Три двойки.

Гу Яньшу тоже перебросил кости и крикнул:

— Четыре четвёрки!

Он помолчал.

— Нет, ты посмотри, я так унижался перед ним, а он даже не слушает!

— А я откуда знаю? — Лу Яо пожал плечами. — Я же не твоя жена. Открывай!

Ровно четыре четвёрки. Лу Яо взял стакан Гу Яньшу и выпил залпом.

Гу Яньшу смотрел, как его стакан уносят, и не удержался, чтобы не пнуть Лу Яо.

— Кто разрешил тебе пить моё?

Лу Яо чуть не пролил напиток на себя.

— Эй!

Он вытер рот.

— Это моё! Я купил! Окей?

Гу Яньшу выпрямился, поправил складки на длинной рубашке и холодно посмотрел на Лу Яо, затем постучал костяшками пальцев по столу.

— стакан мой.

Официант подошёл, и Гу Яньшу сказал:

— Принесите мой стакан, который я оставил здесь в прошлый раз.

Лу Яо захлопал в ладоши.

— Вот почему ты тогда купил целый стакан и оставил его здесь! Теперь понятно. Уважаю, правда уважаю.

Он поднял большой палец.

— Мы дружим больше двадцати лет, с пелёнок вместе, и ты так меня сторонисься?

<http://bllate.org/book/15562/1384856>